

Крис Вайц

МИР ЮНЫХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В14

Серия «Бегущий в лабиринте»

Chris Weitz
THE YOUNG WORLD

Перевод с английского *Т. Борисовой*

Компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Вайц, Крис.

В14 Мир юных / Крис Вайц ; [пер. с англ. Т. Борисовой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Бегущий
в лабиринте).

ISBN 978-5-17-087150-6

Мир изменился в считанные дни, когда ужасная эпидемия оборвала жизни миллионов людей. Прекратили свое существование Соединенные Штаты, Китай, Европа, в дома перестала поступать электроэнергия, города превратились в мрачные безмолвные руины.

Лишь мы — осколки былой цивилизации, обездоленные волчата, бродим среди опустевших зданий в поисках пищи и бензина да сражаемся с такими же отчаянными кланами-коммунами. Нет больше ни стариков, ни младенцев, и наши девушки по какой-то причине не могут забеременеть.

Страшно представить, что будет дальше, когда все припасы, оставшиеся нам от сгинувшего мира взрослых, закончатся...

Но пока мы живы — Донна, Джефферсон, Умник, Питер и Пифия, — мы будем надеяться на лучшее. Каждый прожитый нами день — наш день, и этот мир тоже наш — мир юных.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087150-6

© Chris Weitz, 2014
Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Посвящается Мерседес, Себастиану и Паоло

«Надеюсь, умру я раньше, чем состарюсь».

Старинная песня

Джефферсон

Еще один чудесный весенний день после крушения цивилизации. Я иду по Вашингтон-сквер-парку; изгибы дорожки напоминают перекошенный знак бесконечности. Прохожу мимо столов, где когда-то играли в шахматы старики; сейчас здесь обосновался Умник, устроил мастерскую под открытым небом. Чуть дальше — фонтан, очевидец миллионов первых свиданий, косячков с марихуаной и водных баталей шумной детворы. В нем теперь клановый резервуар, укрытый брезентом: приходится защищать воду от голубиных экскрементов и беспощадного солнца, которое провоцирует рост ряски.

Памятник Гарибальди — или, как мы окрестили его, Гари Балде — увешан гирляндами из искусственных цветов, бусами и допотопными рэперскими побрякушками. Трофеями поисковых вылазок в гиблые земли по ту сторону стен. В обреченные кварталы: Бродвей, Хьюстон; в тире Вест-Виллидж. Постамент украшают памятки об умерших. Моментальные снимки родителей, младших братьев и сестер, утра-

ченных домашних любимцев. Мама называла такие фотографии «настоящими», в отличие от цифровых аналогов. Бумажные копии — как раз то, что надо по нынешним временам, когда миллионы, нет, миллиарды воспоминаний бесследно растаяли в небесах. Целый океан бессмысленных единиц и нулей двоичного кода.

Сквозь каменную арку Вашингтона (нашего всеобщего отца-основателя Вашингтона, а не моего старшего брата Вашингтона) хорошо просматривается Пятая авеню, вплоть до Эмпайр-стейт-билдинг. С верхних этажей небоскреба валит дым. Ребята говорят, там обитает Старик — единственный взрослый, переживший Случившееся. Вечно они что-нибудь выдумывают.

Там, где раньше были трава и цветы, качели и площадки для выгула собак, теперь длинные овощные грядки. Фрэнк отчитывает рабочую команду. Те молча терпят. Вчерашний провинциальный мышонок сегодня стал нашим избавителем. Фрэнк жил на ферме, он один знает, как выращивать еду. Без него у нас бы уже начался рахит, или цинга, или еще какая-нибудь гадость, о которой мы до Этого понятия не имели.

Через ворота, ведущие на Томпсон-стрит, возвращаются фуражиры. Консервы, бензин для генераторов. Для маленьких красных агрегатов марки «Хонда», наших транжир по прозвищу Дженни, что заряжают рации и прочую нужную ерунду. Плюс — нечаянная милость! —

могут оживить «айпод» или «гейм бой», с разрешения Умника, естественно.

Шелестят от ветра листья, рвутся с высоких ветвей навстречу гибели. С севера налетает вихрь, приносит аромат горячей пластмассы и разлагающейся плоти.

Моя рация кашляет.

— У нас гости, двигаются к югу по Пятой. Прием.

Это Донна, с другого конца парка.

— Далеко? — спрашиваю я и легкой рысью припускаю в ту сторону.

Нет ответа. Наверное, не до конца кнопку нажал, когда говорил.

— Ты не сказал «прием», — наконец прорезается голос Донны. — Прием.

— Господи, Донна, «прием»?! Обалдеть. Прием, прием. Сколько их? Далеко от нас? Прием.

— Посредине между Девятой и Восьмой. Человек десять. Вооружены до зубов. Прием.

— Не наши?

Тишина.

— Прием?

— Не наши.

С верхних этажей высотки на Восьмой авеню Донне хорошо видны окрестности. Я замечаю дуло ее винтовки, выставленное из окна.

— Ты не сказала «прием», — кусаю я.

— Ой-е-ей! Прием. Мне стрелять? Они сейчас прямо под мной, но, как только пройдут, позиция будет идеальная. Прием.

— Не. Стреляй. Прием.

— Ладно, как скажешь. Отдаться тебе. Передумаешь, сообщи. Прием.

Пора поднимать тревогу.

Возле каждого входа в парк к деревьям прикреплены допотопные сирены. Где Умник их раздобыл, история умалчивает. Я с трудом проворачиваю ручку; сухожилия напрягаются, болят. Раздается тихий жалобный скулеж, который по мере раскручивания шестеренок переходит в адский рев.

Налегаю на ручку еще старательней. Интересно, сколько энергии сейчас из меня утекает? А сколько калорий я сегодня съел? Если не употреблять больше, чем расходует, — начинается умирание. Отрешенно вспоминаю бургеры, картошку фри, булочки с корицей. Канувшие в историю деликатесы, немислимая роскошь.

Через шестьдесят секунд огневые позиции ошестиниваются оружием.

Проход блокирует бронированный школьный автобус. В нем устроены амбразуры, сквозь них Пятую авеню берут под прицел шесть пулеметов — значительная часть нашего арсенала. Плюс к ним — снайперская винтовка Донны. Двери зданий, примыкающих к баррикаде, давным-давно заколочены, и улица считается зоной свободного огня: стрелять здесь можно, не дожидаясь приказа.

К нам заскакивает Вашинг. Я жду, что он примет командование на себя. Но генералиссимус Вашингтон отмахивается. Твоя, мол, очередь, братишка.

— Они вооружены до зубов, — сообщаю я, намекая: «Мне как-то не до тренировок».

— Значит, быстро роди план, — отзывается Вашинг.

Радость какая. Забрасываю на плечо винтовку AR-15 и стрелой мчусь в автобус.

Дерматиновые подушки нещадно исполосованы. На стенах — перлы черного юмора.

**СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ТУСИМ У МЕНЯ!
ПАПКИ — НА ТОМ СВЕТЕ.**

«Гребаный мир!» — я.

«Не, гребаный ты!» — мир.

**Помни! Сегодня первый день
конца всего на свете.**

Рассматриваю своих бойцов. Надо же, мир превратился в ад, а народ все равно не утратил чувства стиля. Вид у ребят, надо сказать, разношерстный — результат мародерства. Пальто «Прада», украшенные воинскими знаками отличия; деревенские рубахи, стянутые армейскими поясами. А вон тот парень, Джек, вообще выглядит настоящим трансвеститом. И никто слова по этому поводу не скажет. С Джеком ссориться опасно — мальчуган вымахал метр восемьдесят ростом и комплекцией напоминает пресловутый шкаф.

Заметка на полях: вот бы мне шкаф, набитый едой.

Я где-то читал, будто в наполеоновской армии ребята, ходившие в опасную разведку, тоже не страдали особенным вкусом и наряжались кто во что горазд. Они называли себя авангардом — от французского «передовая стража».

Глядя на свой «авангард», вспоминаю романы Патрика О'Брайана — по ним еще фильм сняли, с австралийцем в главной роли. Там бравые вояки вот так же выстраивались у артиллерийских орудий на батарейной палубе. Захотелось сказать что-нибудь вроде: «Спокойно, ребята! Ждем приказа», — но это так банально... В общем, я просто награждаю каждого ободряющим тычком — кого между лопаток, кого пониже спины — мол, вперед, к победе.

— Э! — возмущается один из стрелков.

Это девушка, блондинка, ее зовут Каролина. До Случившегося она была настоящей модницей. Упс, выходит, девочки не одобряют шлепки по своей пятой точке даже после апокалипсиса.

— Прости, — говорю с напускнутой беспечностью. — Я без всяких задних мыслей.

В ответном взгляде читаю: «Ага, без задних, как же!», но времени на расшаркивания нет. Пробираюсь в наблюдательный пункт, обустроенный Умником на переднем пассажирском сиденье.

Десять человек, как и сообщила Донна; глаз у нее наметанный. Все, кажется, мужского пола. Не первой молодости, лет по шестнадцать-семнадцать. Одеты в зеленый камуфляж, совершенно бесполезный в городских услови-

ях. Костюмы увешаны орденскими планками, медалями и тому подобным хламом. У каждого гостя на груди какая-то эмблема, похоже, герб учебного заведения; на плечах красуются нашивки с черепами — будто флажки на крыльях давних истребителей, отмечавшие их воздушные победы.

Один из пришлых тащит внушительный ручной пулемет, снизу болтается пулеметная лента. Что за штука? Может, «BAR» — автоматическая винтовка Браунинга? Вашинг наверняка знает. Другой парень подносит к огнемету зажигалку «Зиппо». Не нравится мне все это...

Поясные сумки, полные гранат, «кошки» — все, чего душа пожелает. AR-15, как у меня. Наши гости, видимо, распотрошили какой-то арсенал.

— Чего надо? — выкрикиваю я. Отрывисто, но без показухи. Как учил Вашинг.

— Поговорить с главным, — отзывается один из пришлых.

Блондин, лет семнадцать, голубые глаза, четкие скулы. Типичный квотербек. До Случившегося я таких не особенно любил. А теперь не люблю и подавно.

Весь автобус ждет, что скажет Вашинг. Но тот бросил меня отдуваться самостоятельно. Спасибо, брат.

Рывком подношу рупор назад ко рту. Ай! Надо будет попросить Умника приделать к горлышку что-нибудь мягкое.

— Ну, я — главный.

— Маловат ты для главного, — заявляет Скуластый. Наши взгляды скрещиваются сквозь пуленепробиваемое стекло.

— Я главный, ясно? Чего вам?

Но Скуластый не спешит переходить к делу. Он легко кланяется и, словно персонаж из «Игр престолов», нараспев произносит:

— Северная конфедерация приветствует клан Вашингтон-сквер. Мы — парламентары.

Кто-то из моих бойцов прыскает. Похоже, гости услышали — разочарованно переглядываются. А чего они ждали? Церемониального ответа?

— «Парламентары» означает... — открывает рот Скуластый.

— Мне известно, что означает «парламентары», — обрываю я. — Сказал бы просто, что хотите поговорить.

— Хорошо. Мы хотим поговорить, ясно? Поговорить о деле.

Они тянут за веревку, уходящую им за спину, и перед нами вдруг появляется...

Свинья. Не какая-нибудь там симпатяга с хвостом-бубликом из детской книжки, а здоровая вонючая свинья.

Животный белок.

Как же они приволокли ее сюда аж с севера Манхэттена, через огромные вражеские территории? Выглядят «парламентары» изрядно потрепанными, у одного, похоже, пулевое ранение. Во всяком случае, рука его болтается на перевязи, а кровь на ней еще не успела потемнеть.

Недавняя стычка — возможно, возле Юнион-сквер. Утром я слышал стрельбу. Хотя стрельбу слышно каждое утро.

— О деле? Надеюсь, ты не замуж за свинью собрался? Хочешь в ходе «парламентских переговоров» попросить нашего благословения?

Скуластому я не нравлюсь, но у него — миссия, приходится терпеть.

— Почти, хитромудрый ты наш. Мы будем вам ее продавать.

— Понятно. Человек я здравомыслящий. Что вы за нее хотите?

— У этой свиньи куча наград, она с фермы Хансена, на севере штата, — принимается хвалить товар гость. — По классификации Министерства сельского хозяйства — мясо высшей категории, по всем параметрам. Выше не бывает! Сертифицированная органика.

— Ты в курсе, что Министерства сельского хозяйства больше не существует? — интересуюсь я. — И что нам без разницы, органическая еда или нет?

— По барабану! Брат этой хрюшки был очень вкусным.

Я бросаю вопросительный взгляд на Фрэнка.

— На вид хороша, — пожимает плечами тот. — Большая, откормленная.

— Ладно, — кричу я Скуластому. — Тощевата, конечно, но поторговаться можно. Что вы за нее хотите?

Вот тут-то он меня и огорошивает.

— Двух девушек.

Немая пауза. На языке «Скайпа» здесь надо бы вставить смайлик с удивленно выпученными глазами.

— Повтори, пожалуйста.

Скуластый вновь переходит в режим «Властелина Колец» и отчетливо провозглашает:

— Мы готовы обменять свинью на двух особей женского пола.

Та-ак, детки, берем ручки и записываем новое слово: «сконфуженный».

— Ты имеешь в виду человеческих особей женского пола? — уточняю я.

Пришелец дергает плечом, мол — ну да, две девчонки за одну свинью, что такого?

Оживает моя рация.

— Джефферсон, чего он хочет? — доносится голос Донны. — Мне тут не слышно. Прием.

Думаю, нашей воинственной феминистке-снайперу лучше не знать о том, что эти социопаты предлагают обменять свинью на девушек (не самый лестный обменный курс, надо сказать). Я не отвечаю.

— Ал-ло-о-о! Что там у вас происходит? Прием.

— Я справлюсь сам, Донна, спасибо за поддержку. Прием.

Справлюсь, хм. А как? Пока не придумал. Девочки у бойниц выжидательно смотрят на меня.

— Эм-м... — Я прочищаю горло. — Блин, мужики, вы что несете? Если вам так одиноко, я, конечно, сочувствую, но...

— Девчонки у нас есть. Просто нужно больше, — вклинивается один из конфедератов, здоровяк с клюшкой для лакросса, в которую вставлена граната.

Почему, ну почему весь мир вокруг стал подозрительно напоминать антураж фильма «Безумный Макс»? Скуластый испепеляет здоровяка взглядом — видимо, недоволен, что кто-то из его свиты посмел открыть рот.

— Соратник прав, — заявляет Скуластый. — Девушек у нас много, и еды тоже. У нас всего много — электричества, проточной воды, чего душа пожелает. Косметики там, не знаю, разной. Смотри.

Он переводит глаза на девушку из своей группы, хорошенькую блондинку с сердитым лицом. Та выходит — точнее, ее выталкивают — вперед.

— Расскажи им про Конфедерацию, — говорит ей Скуластый. — Объясни девочкам, что опасаться им нечего.

Но блондинка молчит. Я приглядываюсь к ней повнимательней и — может, из-за упомянутого слова «косметика» — невольно замечаю толстый слой тонального крема на лице слева. Как раз там, куда пришелся бы удар правши.

Увиденное мне не нравится. И не понравилось бы, даже если б в нашем клане нашлись девушки, желающие уйти. Я не доверил бы их этим фашистам. И уж конечно, не стал бы обменивать человека на свинью, даже если при мысли о беконе начинаю захлебываться слюной.